

Н. Ю. ШВЕДОВА

К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Реплики-повторы¹

Современный общенациональный русский литературный язык существует в двух постоянно взаимодействующих функциональных разновидностях или формах: в форме письменной речи и в форме речи разговорной. Письменная речь — это всегда так или иначе обработанная и обдуманная фиксация языка с целью последующего воспроизведения написанного². Разговорная речь — это сам звучащий язык, непосредственно обращенный к слушателю или к слушателям. Различие двух форм речи опирается на различия «в общественных условиях и в материальных средствах социального общения»³. В разговорной речи, как и в речи письменной, говорящий использует готовые, закрепленные в системе языка формы, которые, однако, в отличие от пользования письменной речью, заранее не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения. Если в письменной речи обязательно присутствует момент «избираемости» формы выражения, то в разговорной речи этого момента нет. Это — определяющее разграничение в пользовании письменной и разговорной речью. Отсюда следует, что далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной⁴.

Между двумя формами языка существуют значительные различия. Об этих различиях очень верно писал талантливый казанский лингвист А. Н. Боголюбов: «Существенной остается разница между письмом и говорением, между чтением глазами и слушанием; между языком, к которому привыкают наши руки и глаза, и языком, к которому привыкают наш язык (и вообще органы говоренья) и наши уши... Важно понимать разницу этих двух явлений и соответственно изменять приемы их изучения»⁵. И дальше: «Если взглянуть на писанный и говоримый язык со стороны грамматики, то... здесь окажется заметная между ними разница. Грамматическое строение говоримой речи зависит в значительной степени от обстановки говоренья и от собеседника или слушателей»⁶.

Собственно языковые различия между разговорной и письменной речью с наибольшей четкостью выявляются прежде всего в области интонации, а также в области синтаксиса словосочетаний и особенно синтаксиса предложений⁷. В области синтаксиса си-

¹ В настоящей статье излагаются некоторые положения одного из разделов грядущей работы, посвященной изучению синтаксиса русской разговорной речи.

² «Письменная речь является речью, закрепляемой в порядке ее осуществления; в результате остается, таким образом, нечто пребывающее, некоторое произведение» (Л. П. Якубинский, О диалогической речи, сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, 1, Изд., 1923, стр. 145).

³ В. В. Виноградов, Итоги обсуждения вопросов стилистики, ВЯ, 1955, № 1, стр. 78. Ср. его же, О категориях модальности в русском языке, «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II, М.—Л., 1950, стр. 45. О функциональных различиях разговорной и письменной русской речи см. также: А. В. Шapiro, Очерки по синтаксису русских народных говоров, М., 1953, стр. 5—9, 298.

⁴ Ср. А. И. Смириницкий и О. С. Ахманова, О лингвистических основах преподавания иностранных языков, «Ин. яз. в ин.», 1954, № 3, стр. 50.

⁵ А. Н. Боголюбов, Об изучении литературных языков. Методологический очерк, «Уч. зап. Казанск. ун-та», год LXXXI, ии. 3, март, Казань, 1914, Часть неофиц., стр. 9.

⁶ Там же, стр. 13.

⁷ Замечания об «элементах синтаксиса разговорной речи» см. в книге А. Н. Гвоздева «Очерки по стилистике русского языка» (М., 1952, стр. 187—196). Рамки статьи не позволяют дать необходимый критический анализ ряда высказанных в этом разделе положений.

стема собственно строевых элементов разговорной речи является не менее определенной, чем в речи письменной. Распространенное мнение о свободе стиля разговорной речи, об отсутствии в ней строгих норм, о «недостаточной оформленности» ее конструкций держится только благодаря слабой изученности огромного массива соответствующих материалов. Больше того, самого пристального внимания заслуживает мысль о том, что письменная речь с в о б о д и е в выборе языковых средств, чем речь «говоримая», которая, в силу специфики своего протекания, не знает процесса обдуманного избирания, а естественно отливается в готовые и общеобязательные языковые формы¹.

Внутри разговорной формы речи существуют две разновидности: монолог как непосредственно обращенный к собеседнику непринужденный рассказ² и диалог. Сколько-нибудь точного определения монолога со стороны его языковой природы не существует³. Те признаки, которые выявляются в монологе некоторыми исследователями, во-первых, относятся к монологу как элементу литературного произведения, во-вторых, в значительной мере случайны и не могут считаться признаками языковыми.

Разговорный монолог — это форма непринужденного рассказа, непосредственно обращенного к слушателю или слушателям⁴. Между монологом и диалогом несомненно существуют формально-языковые различия, и диалогическая реплика отличается от монолога не только объемом, «направленностью к партнерам» и «узостью тематических границ»⁵. Диалогическая реплика, если она соединена собственно синтаксическими связями с предшествующим высказыванием собеседника, есть единица синтаксическая, имеющая свои характерные признаки, присущие ей как компоненту сложного языкового построения.

Диалог представляет собой обмен высказываниями, порождаемыми одно другим в процессе разговора⁶. Эта взаимосвязанность высказываний в диалоге есть всегда взаимосвязанность смысловая и — в определенных случаях — структурно-языковая. Предметом изучения в настоящей статье являются только такие высказывания диалога, которые связаны между собой определенными синтаксическими связями. Простейшим сочетанием здесь является обмен двумя высказываниями, из которых последующее в своей словесно-грамматической форме зависит от предыдущего. Такие два сочетавшиеся по определенным грамматическим правилам высказывания мы дальше будем называть репликами, вкладывая в этот термин указанное выше содержание.

¹ «В языке письменном возникает иллюзия с в о б о д ы в выборе ёслов и выражений, названий и оборотов; сильнее начинает чувствоваться момент логической и эстетической оценки, прозаическая и поэтическая ценность различных языковых средств,— в ущерб чувству обязательности такого-то говоренья при таких-то обстоятельствах и неприкословенности готовых традиционных формул» (А. Н. Богоявленский, указ. статья, стр. 16).

² Монолог есть и в письменной речи, но там он отливается в особые, отличные от разговорного монолога формы. (О формах монолога в художественной речи см. В. В. Виноградов, К построению теории поэтического языка, сб. «Поэтика», вып. III, Л., 1927.) Следует признать, что поддержанная и развиваемая Л. П. Якубинским мысль Л. В. Щербы об искусственности монолога (см. Л. В. Щерба, Восточно-лузинское наречие, т. I, Пг., 1915, Приложение, стр. 3—4) справедлива лишь в отношении монолога «построенного», литературно обработанного и не может быть распространена на литературно не обработанный, разговорный монолог.

³ «Понятие это нельзя считать вполне ясным. С упрощенной точки зрения монолог — это просто более или менее пространная реплика. Но это только один, и может быть не самый существенный признак для характеристики отдельной реплики. Сколько-нибудь содержательное определение монологической реплики, естественно, можно получить только путем сопоставления ее с репликой диалогической» (Г. О. Винокур, «Горе от ума как памятник русской художественной речи», «Уч. зап. МГУ», вып. 128, Труды кафедры русского языка, иж. Г. М., 1948, стр. 51).

⁴ По терминологии, принятой в одной из ранних работ акад. В. В. Виноградова, — монолог «своебразного типа» в его «повествующей» разновидности (см. В. В. Виноградов, Проблема сказа в стилистике, сб. «Поэтика», Л., 1926, стр. 30—31).

⁵ Ср. Г. О. Винокур, указ. статья, стр. 51.

⁶ Русская диалогическая речь почти не подвергалась специальному изучению. Цитированная выше статья Л. П. Якубинского «О диалогической речи» была у нас едва ли не первой попыткой постановки вопроса о языковой специфике диалога. Однако вопрос этот не нашел здесь достаточного освещения: подчеркивая необходимость «чисто речевого», «именно лингвистического подхода к делу» (стр. 109), Л. П. Якубинский в то же время большую часть своей статьи посвятил проблемам неязыковым — «апперцепционному моменту в восприятии речи», «бытовому шаблону в диалоге» и «речевому автоматизму». О других опытах изучения русской диалогической речи см. ниже.

жание: второе высказывание в своей структуре зависит от первого и без него не существует. Такое сочетание реплик есть по существу сложное построение — коммуникативная единица диалога, в которой линии синтаксического подчинения выявляются почти исключительно в формах второй реплики¹.

В современном русском языке выявляются два основных вида синтаксической зависимости второй реплики от первой. Первый: состав второй реплики с точки зрения выражения всех элементов мысли оказывается «неполным» и «восполняется»² из первой реплики (*Ты когда приехал? — Вчера*). Такие реплики исследователями обычно включаются в круг так называемых «неполных» предложений³. Однако рассмотрение таких реплик как «восполняющих синтаксический состав предложения предыдущей реплики», как «обрубков» предложений, характерное, например, для кандидатской диссертации Т. Г. Винокур⁴, не может вызвать сочувствия. Несколько по-иному, в плане «синтаксической соотнесенности» реплик, однако тоже с точки зрения «неполноты» состава второй реплики, тот же материал освещается Т. Г. Винокур в статье «О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи»⁵.

Другой вид синтаксической зависимости второй реплики от первой обнаруживается тогда, когда вторая реплика, в своем словесном составе обязательно повторяя первую или ее часть (реже — однокоренное слово), ничего в ней не «восполняет», а выражает различные экспрессивные, оценивающие «реакции на действительность»⁶, на то, что сказано. В состав второй реплики часто входит частица, модальное слово или междометие, повторяемое слово может выступать в «удвоении» (подробнее см. ниже), но структурной основой второй реплики обязательно является повторение — в том или ином виде — элементов словесного состава первой реплики. Так построенные вторые реплики диалогического единства в целях терминологического удобства можно называть повторами. Реплики-повторы и являются предметом анализа в настоящей статье.

Итак, повтор — это построенная по правилам разговорной речи вторая реплика, выражающая экспрессивно окрашенную реакцию на сказанное, имеющая в качестве своей структурной основы те или иные элементы словесного состава первой реплики и подчинающаяся ее форме.

Повтор в его разнообразных формах широко распространен в русской диалогической речи. Исследователи отмечали это явление⁷, но определяли его по-разному и не всегда точно. Так, А. А. Шахматов отмечает повтор в «Синтаксисе русского языка». В разделе «Вставленные из соседнего предложения слова» он пишет: «В составе предложения могут оказаться слова, находящие себе место в предшествующем или в следующем предложении в качестве членов этих предложений, между тем как в данном предложении они могут оказаться излишними и не оправдываемыми смыслом предложения. Например, из предшествующего предложения вставлены в следующее: Здравствуйте, молодые люди... (гости встают и кланяются). 1-й гость (смеется). Молодые люди... а вы разве старая? Иванов, П. Чебутык и т. д. Не ходите, дуся моя. Маша. Да, не ходите... Эта жизнь проклятая, невыносимая. Три сестры, Е. В том и в другом случае можно допустить пропуск слов: вы сказали»⁸. Перед нами — вторые реплики-повторы, и согласиться, что «вставленные из соседнего предложения слова» здесь оказываются «излишними и не оправдываемыми смыслом предложения», не представляется возможным; никакого «пропуска слова» здесь, конечно, тоже нет.

Подробный обзор реплик-повторов (однако без необходимого разграничения по-

¹ В статье анализируются простейшие типы названных коммуникативных единиц диалога. Поэтому обычные в диалоге явления языковых сцеплений нескольких реплик, когда и первая реплика не свободна, а зависит от предыдущей, здесь не изучаются.

² Ср. Г. О. Винокур, указ. статья, стр. 44.

³ См., например, И. А. Попова, Неполные предложения в современном русском языке, «Труды Ин-та языкоизучания АН СССР», т. II, М., 1953, стр. 94—119.

⁴ Т. Г. Винокур, О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке, Автореф. канд. дисс., М., 1953.

⁵ Сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955. Ср. аналогичную точку зрения, изложенную в только что опубликованном автореферате кандидатской диссертации М. Л. Михлиной «Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи» (Л., 1955), где говорится о «структурной неполноте взаимосвязанных реплик диалога» (стр. 5), о «недостаточной сформированности предложений» как «одной из наиболее характерных синтаксических особенностей диалогической речи» (стр. 14).

⁶ В. В. Виноградов, О категориях модальности в русском языке, стр. 49.

⁷ См., например, А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, стр. 194, 197—198; И. А. Попова, указ. статья, стр. 121—122; А. Е. Киселев, Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1954, стр. 9.

⁸ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, § 364, стр. 273.

второв и реплик, «скрепленных синонимическими выражениями») дает Г. О. Винокур в уже цитированной статье «„Горе от ума“ как памятник русской художественной речи». Приводимые здесь материалы убеждают, что они являются не результатом «изобретательного языкового мастерства»¹ Грибоедова, а отражением живой разговорной речи эпохи. И не случайно автор, задумавший свою статью как исследование о языковом мастерстве писателя², приходит к выводу, что «рукой Грибоедова... водил сам русский язык»³. Впрочем Г. О. Винокур принципиально не отказывается от возможного заключения о принадлежности описанных им явлений к «индивидуальной художественной манере» писателя⁴.

Нельзя также согласиться с Л. А. Булаховским, относящим «лексически совпадающие концы синтаксических отрезков» к индивидуально гоголевским приемам создания комического⁵.

Некоторые виды повторов отмечены в уже упоминавшемся автореферате диссертации М. Л. Михлиной⁶. Однако ценность ряда положений (например, о функции повторов) снижается в связи с рассмотрением повторов как «неполных» предложений, случайностью выбора и разнородностью включаемых в единую классификацию построений, невниманием к структурной роли частиц.

Повтор — общенародное явление русской диалогической речи; непринужденный разговор почти всегда включает в себя повторы как конструктивный элемент диалога. Анализируя «шаблонную форму бытового разговора», Л. П. Якубинский приводит шуточный разговор: — *Здорово, кума.* — *На рынке была.* — *Аль ты глуха?* — *Купила петуха.* — *Прощай, кума.* — *Полтину дала.* По поводу этого разговора Якубинский замечает, что если бы глухая не забыла, что при встрече здороваются, этот разговор «должен был бы протекать так: — „Здорово, кума“ — „здраво, кума“, „где была“, „на рынке была“, „что покупала“, „купила петуха“, „сколько дала“, „полтину дала“...»⁷ Следует признать, что так — с точки зрения языковых норм диалога — разговор про текать не мог. По нормам разговорной речи он должен был бы строиться примерно так: — *Здорово, кума.* — *Здорово (или: — Здорово, кума).* — *Где была?* — *Где была-то?* *Да на рынке (или: — Где? На рынке).* — *Что купила?* — *Что купила-то?* *Да (вот) петуха (или: — Купила-то?* *Да (вот) петуха).* — *Сколько дала?* — *Сколько?* *Полтину.* (или: — *Дала-то?* *Да полтину*).

✓ Повторение слов, характерное для диалогической речи, выступает в разных видах и имеет разные функции. Так, в утвердительном ответе повторение слова, несущего на себе в вопросе смысловой акцент, является нормой⁸. Но это не есть повтор в принятом нами значении слова, так как такое повторение, во-первых, «восполняется» из состава первой реплики, во-вторых, оно не является обязательно репликой экспрессивно реагирующей, например: «— Ты разве *одна* здесь? — спросил я девочку. — *Одна*, — произнесла она едва внятно. — Ты лесникова дочь? — *Лесникова*, — прошептала она» (Тургенев, Бирюк)⁹.

С точки зрения того, какие слова или группы слов входят из первой реплики в состав реплики-повтора, выделяются три основных типа таких реплик: 1) повторяется одно слово из состава первой реплики (— *Ты все это сам сделал?* — *Какое сам!*); 2) повторяется словосочетание или предложно-имменное сочетание (— *Выпей хоть*

¹ См. Г. О. Винокур, указ. статья, стр. 35, 41.

² См. там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 68.

⁴ См. там же.

⁵ Л. А. Булаховский, *Русский литературный язык первой половины XIX в.* 2 изд., М., 1954, стр. 459. Ср. приводимый здесь пример: «— А как, например, числом? — спросил Чичиков. Да, сколько числом? — подхватил Манилов. — Да как сказать числом? Ведь *неважно*, сколько умирало: их никто не считал».

⁶ М. Л. Михлина, *Указ. соч.*, стр. 10–12.

⁷ Л. П. Якубинский, *Указ. статья*, стр. 166.

⁸ См. интересное замечание А. И. Добинина о формах ответа в связи с разными видами вопросов (А. И. Добинин, *Опыт синекиологии частей речи и их форм на почве греческого языка*, Ирак, 1897, стр. 471–472, в кн.: *Известия Ист.-филол. ин-та кн.* Безбородков Новикова, т. XVI, 1898).

⁹ Писатель И. Новиков напрасно видит в этих отголосках выражение неразвитости, отсталости детской речи и своеобразие художественной манеры Тургенева (См. И. Новиков, *Тургенев художник слова*, 1954, стр. 59–61); ответы эти построены по живым нормам русской разговорной речи. Вообще повторы логически акцентируемых слов — характернейшее средство соотнесения компонентов диалога. Ср.: «[Барабашев] У нас *серьезное* финансовое дело, никакого замедления не терпит. [Фелициата] У тебя *серьезное*, у нас еще *серьезнее*. Там у нее *удер*. [Барабашев] *Ундер чин незначительный*. [Фелициата] *Незначительный*, а беспокоить не велели» (Островский, «Правда хорошо...»). См. об этом Г. О. Винокур, указ. статья, стр. 41–44.

одну чашечку! — Разве что одну чашечку...; — Без пальто идти? — Что ты без пальто!); 3) повторяется предикативная основа первой реплики¹ (— Помилуйте, смею ли я... — Чего смею ли я! — Как же ты это сделаешь? — Как сделаю. Я и сам не знаю). Если первая реплика является перенесенной или мало распространенной, то она может повторяться целиком (— Ушибся? — Вот еще ушибся!), но эти случаи принципиально не отличаются от перечисленных трех основных типов повторов. Слово или сочетание слов может повторяться или в той же форме, в которой оно употреблено в первой реплике, или изменять свою форму; в определенных случаях возможны замены слова другим словом с тем же корнем. Замены или сохранения форм или слов подчиняются определенным правилам, главнейшие из которых будут изложены ниже.

Состав и строение повтора как второй части сложной коммуникативной единицы диалога определяются составом и строением первой реплики. Но вторая реплика представляет собой повторение именно данного, определенного слова или слов; она лексически незаменима. В то же время в построении многих типов повторов, как уже отмечалось и как будет показано дальше, самую активную конструктивную роль играют разнообразные частицы, междометия, модальные слова, т. е. слова определенного лексико-грамматического класса, без которых не образуется тот или иной тип повтора с тем или иным определенным значением. Таким образом, в построении повтора обязательно должны участвовать в качестве его структурных элементов конкретные, не заменимые другими лексические единицы. В этом — двойственная природа повторов, почему мы и должны говорить о их лексико-сintаксическом, а не просто синтаксическом строении.

Реплики, построенные при участии частиц, имеют богатый круг модальных значений. Если интонация может варьироваться, специфический рисунок ее может быть отчетливее или слабее, то частицы всегда выступают как яркие и несомненные выражители соответствующих значений. Ср. замечание Добиаша по поводу вопросительной частицы: «...Вопросительная „частица“ была и уж на языку для самых примитивных его потребностей (тон — тоном, но полезно и предупредить этот тон каким-нибудь средством, тем более что во многих случаях он может установиться и обнаружиться только с течением речи, а никак не на самом первом слове)»². Характерно, что Добиаш подчеркивал случаи отнесения частиц не кциальному слову, а к целому «тексту»³.

Круг модальных частиц, конструирующих реплики-повторы, уже и определенное, чем тот, который намечается для класса модальных частиц в целом⁴. Модальные частицы, функционирующие в качестве структурных элементов повторов, классифицируются, с одной стороны, по своим живым, еще не утраченным связям с другими классами слов или по отсутствию таких связей; с другой стороны, — по своему составу, по формам.

Намечаются следующие группы модальных частиц по их в той или иной мере сохраняющимся функционально-смысловым связям с другими классами слов или по отсутствию таких связей: 1) наречные частицы; 2) местоименные частицы; 3) союзные частицы и 4) частицы, не сохранившие функционально-смысловых связей с другими классами слов. Со стороны состава частицы, конструирующие повторы, разделяются на простые, составные и сложные. Простые частицы состоят из одного слова. Составные частицы представляют собой неустойчивые сочетания, легко возникающие и распадающиеся. В разговорной речи с простой частицей обычно свободно соединяются, так же свободно отъединяются от нее, усиливющие элементы (один или более), не привносящие никакого нового значения в саму частицу и не влияющие на общее значение повтора в целом. Вот характерные примеры. Местоименная частица *какое*, конструирующая повтор со значением уверенного отрицания, легко обрастает усиливющими элементами *уж*, *тут*, *там*, *тебе*, *к чёрту* и некоторыми другими (— *Был он у тебя?* — *Какое там был!* — *Какое тебе был!* — *Какое к чёрту был!*). Наречная

¹ Предикативной основой первой реплики мы будем называть такие конструкции ее элементы, без которых она не может существовать как данный тип относительно заключенного высказывания.

² А. В. Добиаш, *указ. соч.*, стр. 465. Ср. также В. В. Виноградов, О категориях модальности в русском языке, стр. 44—45.

³ См. А. В. Добиаш, *указ. соч.*, стр. 474.

⁴ Общий обзор литературы вопроса и подробную характеристику модальных частиц см. в цитированвшейся выше статье В. В. Виноградова «О категориях модальности в русском языке». См. также кандидатскую диссертацию Д. С. Светлышиева «Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке» (М., 1955). Заметим кстати, что предложенное здесь деление частиц на экспрессивные и эмоциональные не представляется достаточно обоснованным и убедительным.

частица *как*, конструирующая экспрессивно окрашенный переспрос, легко обрастает свободно отчленяемыми усиливающими элементами *да* (препозитивное безударное), *это, то есть, же и некоторыми другими* (— *Где бы ты хотела жить? — Как это где жить? — Да как где жить?* — *То есть как это где жить? — Как же это где жить?* — *Это то есть как же где жить?* и т. п.). Местоименная частица *что*, конструирующая повтор, выражающий отношение к сказанному как к несущественному, маловажному, легко соединяется с усиливающими препозитивными элементами *да, ну, постпозитиви, тут, там, же и некоторыми другими* (— *Полноте, маменька!* — *Да что полноте!* — *Что же полноте!* — *Ну что полноте!* — *Да что же там полноте!* — *Что тут полноте!* и т. п.). Как видно уже из отдельных примеров, усиливающие элементы в составной частице в большинстве случаев подвижны, свободны и легко отчленимы.

Сложная частица *ни* по составу, ни по значению не членится и представляет собой единое структурно-смысловое целое, порядок компонентов которого обычно строго закреплен. В то же время в составе частицы сравнительно легко выделяется ее смысловое ядро, выявляющее ее живую связь с наречием, местоимением или союзом. Таковы, например, сложные наречные частицы *так и* (— *Придет! — Так и придет!*), *туда же* (— *Герой! — Туда же герой!*), местоименная частица *что это* (— *Еще заснем все. — Что это заснем!*) и многие другие. Сложные частицы в ряде случаев могут обрасти усиливающими элементами, однако со значительно большими ограничениями, чем простые (ср.: — *Так тебе и придет! — Туда же мне герой! — Что это еще заснем!*).

Строение и состав частиц влияет на строение повтора; разные частицы по-разному функционируют в реплике с точки зрения их интонационных связей с ее остальным составом, а также с точки зрения места частицы в общей структуре повтора¹.

*

Современная русская разговорная речь включает в число своих специфических конструкций двенадцать основных лексико-сintаксических типов реплик-повторов².

1. Собственно повторы, т. е. повторения³, не осложненные никакими добавочными словесными элементами, обязательно участвующими в построении второй реплики в качестве ее структурного элемента. Здесь выделяются следующие структурные виды повторов.

а) Повторение в форме вопроса, на который обычно сам говорящий здесь же дает ответ: — *Ну, а любовь что?* — *Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. — Чем-нибудь ты ведь жил же на улице. — Чем жил?* *Воровал.* Особое место занимают повторения личных местоимений, выполняющих в первой реплике «морфемную» функцию. Такие повторы играют роль собственно синтаксических скреп между вопросом и ответом: — *Ты куда идешь?* — *Я? Домой!*⁴.

б) Повторение в форме вопроса, с выделительной частицей *-то*: — *До броду далеко?* — *До броду-то?* *Недалеко.* — *Что говорят обо мне?* — *Что говорят-то?* *Да говорят глупости.*

в) Повторение, произносимое с интонацией полу вопроса или восклицания; далее обычно следует разъяснение: — *За чем пришла?* — *За чем, за ложкой.* — *Что ты с ним в сенях говорила?* — *Что говорила!* *Говорила, на бочку обруч набить надо.*

г) Двоекратное повторение, обычно — с интонацией восклицания: — *О чем вы так долго?* — *О чем, о чем!* *Сама знаешь о чем.* — *Угли сырье, не раздуешь никак.* — *Сырые, сырье!* *Надо сушить.*

Основные значения собственно повторов группируются вокруг выражения разных оттенков отрицательного отношения к сказанному или уяснения смысла того, что содеряется в первой реплике; эти оттенки определяются характером первой реплики, формами и интонацией повторов.

2. Повторы с наречными частицами. В группу наречных частиц, участвующих в конструировании повторов, входит следующие частицы: *как* (*да как, как же, да как*

¹ Усиливающими элементами могут обрасти не только частицы, но и формы поливличных слов, употребляющихся в функции модальных слов (— *Нельзя уж просто поговорить!* — *Бросыне, поговорить!* и — *Бросьте там поговорить!* — *Уж бросьте еще поговорить!* и т. п.). Легко обрастают и составные междометочные сочетания, например: — *Эти доктор.* — *Ах да, доктор!* или — *А, да, доктор!* — *Выспишься еще.* — *Ну да, выспишься!* (ср.: — *Ах, доктор!* — *А, доктор!* — *Да, выспишься!*).

² По удобным места мы вынуждены отказаться от дифференцированного рассмотрения разных видов повторов, так же как и от анализа их значений. Предлагаемый перечень является сугубо схематическим.

³ Здесь и дальше под повторением имеется в виду повторение слова, сочетания слов или предикативной основы первой реплики.

⁴ Мисение о том, что такие переспросы «измазаны стремлением отдельться от ответа, оттянуть его, выиграть время для его обдумывания» (И. А. Попова, указ. статья, стр. 121), не подтверждается материалами.

же, как это, да как это, то есть как, как так, как это так, как такое), так и (так тебе и¹), так-таки, так уж, уж, чего (да чего, чего там, чего тут, чего ж, да чего ж, чего уж, чего еще), нечего (нечего там, нечего уж), куда (куда там, да куда, куда уж, куда уж там, куда ж), где (да где, где уж, где там, где ж, да где там, да где ж), зачем, туда же, хорошо, прямо (прямо уж, прямо тебе)². Все эти частицы в той или иной степени сохраняют смысловые связи с соответствующими наречиями, что, естественно, отражается на их функционировании в составе второй реплики и на общем модальном значении повтора. Почти все повторы с наречными частицами выражают разные виды отрицательного или недоуменного отношения к сказанному. Со стороны словесно-интонационного строения можно выделить два вида повторов с наречными частицами.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полуваропрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: —Не горячись, пожалуйста.— Как (как это и т. п.) не горячись? — Не холодно тебе будет? — Чего (чего там и т. п.) холодно! — Ведь любила его? — Куда (куда уж и т. п.) любила! — С отцом пойдешь? — Где (где тут и т. п.) с отцом. — Сама делали. — Так-таки (так уж) сами?

б) Повторение, произносимое с интонацией восклицания или утверждения, в сочетании с простой частицей: —Я его слегка только отстранил. —Хорошо отстранил! — Я тебе верну. — Нечего верну!

Почти для всех повторов с наречными частицами характерны препозиция частицы и интонационная нечленность повтора, общие для ряда построений правила замены глагольных форм и распространения реплик дополнением с определенным значением; там, где структура реплики, ее словесный состав содействуют активизации первоначального наречного значения частицы, это значение накладывает определенный отпечаток на модальное значение повтора в целом.

3. Повторы с местоименными частицами. Эти реплики, так же как и реплики с наречными частицами, объединяются широким кругом разнообразных оттенков отрицательного отношения к сказанному или к предмету речи. Местоименные частицы, участвующие в формировании повторов, таковы: что³ 1) (что, ну что, что такое), чего, что 2) (что тут, что там, а что, да что, ну что, что ж, а что ж, да что ж, ну что ж), что это (чтой-то), что за³ (что такое за, что же га), какое⁴ (какое там, какое тут, какое уж), то-то⁵ (то-то же, вот то-то, вот то-то же), никаких. Многие из этих частиц сохраняют смысловые связи с местоимениями, что отражается на строении и значениях соответствующих повторов.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полуваропрос или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — Мне ведь на службу... — Что (что уж и т. п.) на службу. — Проспиши! — Что это (что это еще) просплю! — И ты все был кучером? — Какое (какое там и т. п.) все кучером! — Длинно. — Что за длинно! (— Что еще за длинно!).

б) Повторение, произносимое как вопрос, полуваропрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей и с выделительной частицей -то: — Глупы вы стали. — Да что глупы-то?

в) Повторение, произносимое как утверждение, в сочетании с простой или составной частицей: — Я не жалуюсь. — То-то (вот то-то и т. п.), не жалуюсь. — Его к тебе послать? — Что же (ну что ж), ко мне. (— Что же, и ко мне).

4. Повторы с союзными частицами. Эти реплики богаты по формам и разнообразны по значениям. За очень небольшим исключением все они, так же как и повторы с наречными и местоименными частицами, выражают разные оттенки отрицательного отношения. В формировании повторов участвуют следующие союзные частицы: а, да, и (а и, да и, ну и, вот и, вот тебе и, вот те и, а вот и, даже и), уж и (ну уж и, так уж и, вот уж и, ну вот уж и, чтой-то уж и), будто (будто бы, будто и, уж будто и, будто уж, будто бы уж), разве (разве что, разве же, ну разве), если (если уж, ну если), тоже⁶ (тоже мне), хоть (хоть бы, хоть бы и, а хоть бы и, ну хоть), а то. Характерной чертой многих союзных частиц — особенно частичек, включающих

¹ Об этих конструкциях см. А. Н. Гиодев, Очерки по стилистике русского языка, стр. 198.

² В настоящий перечень не включены наречные частицы, оформляющие повтор, обязательным элементом которого является отрицание (см. ниже).

³ О происхождении данной конструкции и о ее параллелях в других языках см. А. В. Попов, Оборот что за... (was für ein) и сродные с ним, ФЗ, 1879, вып. II, стр. 1—12.

⁴ Об употреблении частицы *какое* в «аффективно-восклицательных высказываниях» см. В. В. Виноградов, О категориях модальности.., стр. 45.

⁵ О значениях конструкций с то-то см. К. С. Аксаков, Критический разбор «Опыта исторической грамматики» Ф. И. Буслаева, в кн.: К. С. Аксаков, Соч. филологические, ч. I, М., 1875, стр. 585—587.

⁶ О значении построений с тоже см. А. В. Добиаш, указ., соч., стр. 506.

и, *уж и будто*, — является сложность их состава при равной смысловой и конструктивной значимости основных составляющих частицу элементов. Так, например, в частцах *уж и*, *будто уж и*, *будто и* нельзя выделить компонент, являющийся в смысловом и конструктивном отношении центральным. Ср. равнозначные повторы: — *Она в меня влюблена.* — *Уж и влюблена!* (при возможном: — *Уж влюблена!*) — *Будто влюблена!* — *Будто уж влюблена!* — *Будто и влюблена!* — *Уж будто и влюблена!*

Выделяются следующие виды повторов с союзными частицами.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полу вопрос или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Ну что?* — *Да что?* *Куда ехать то?* — *Что же вы есть-то будете?* — *А что есть?* *Нечего.* — *Сотенную дал!* — *Уж и (даже и т. д.) сотенную?* — *Сватать пришли?* — *Хоть бы и (а хоть бы и, ну хоть бы и) сватать!* — *Выпей чашечку!* — *Разве (ну разве что и т. п.) чашечку.*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: — *Гоядинки отвесить?* — *Хоть (ну хоть) гоядинки.*

в) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Я про это читал.* — *Тоже (тоже мне) читал!* — *Дворянина в рекруты сдали!* — *И (а и, да и и т. п.) сдали!* — *Вы шутите.* — *Вот и (вот те и и т. п.) шутите.*

г) Повторение, произносимое как вопрос, полу вопрос или восклицание, с общим значением, обязательно противоположным общему значению первой реплики (т. е. с отрицанием, если в первой реплике содержится утверждение или утверждающий вопрос, и без отрицания, если в первой реплике содержится отрицание или отрицающий вопрос), в сочетании со сложной частицей *а то*: — *Страшно?* — *А то страшно?* — *Не страшно?* — *А то страшно?*

В пунктах 2, 3 и 4 перечислены вторые реплики-повторы, в построении которых участвуют частицы, в той или иной мере сохраняющие смысловые и функциональные связи с другими классами слов. Эти связи несомненно влияют на структуру и значение повторов. Ср. реплики с частицами *ничего*, *зачем*, сохраняющими целевые значения; с частицей *как*, сохраняющей смысловую связь с вопросительным наречием и — соответственно — синтаксико-функциональные связи с ним как со словом, организующим вопросительное предложение; реплики с частицами *хорошо*, *прямо*, первоначальными значениями которых как наречий определяется общее ироническое значение соответствующих реплик. Смысловые и функциональные связи частиц с местоимениями могут определять строение и значение повтора. Таковы, например, реплики с *что 2*), которые легко сопоставляются с соответствующими конструкциями с предицирующим местоимением. В повторах с союзными частицами и значение, и строение реплики часто обусловлено генетической связью частицы с союзом. Ср., например, повторы с *и*, где обязательная препозиция частицы, ее интонационное слияние с повторяемым словом, а также значения реплик, так или иначе сопоставляющих, соединяющих противоположные или сходные мысли, сообщения и т. п., объясняются именно сохранением живых связей частицы с соответствующим союзом. Сохранение — правда, в очень различной степени — живых связей с другими классами слов и влияние этих связей на строение повтора — то общее, что объединяет вторые реплики, организуемые наречиями, местоименными и союзными частицами.

5. Повторы с частицами, не соотносимыми с другими классами слов или не сохраняющими с ними живых функционально-смысловых связей¹. Таковы частицы *ну*, *ну уж*, *вот* (*вот еще*, *ну вот еще*), *и есть*², *как есть*, *ишь* (*ишь ты*, *вишь* (*вишь ты*), *еще бы* (*еще бы те*). Можно выделить 4 вида соответствующих повторов.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полу вопрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: — *Это где?* — *Ну (да ну, ну вот и т. п.) где.* *Не знаешь разве?*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, часто с интонацией вызова, насмешки, в сочетании с простой или составной частицей: — *Ушибся?* — *Вот (вот еще и т. п.) (,) ушибся!* — *Ушибся?* — *Ну (да ну и т. п.) (,) ушибся!*

в) Повторение, произносимое как утверждение, в сочетании с простой или сложной частицей: — *Не узнал, видно?* — *Не узнал и есть.*

г) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с общим зна-

¹ Отсутствие связей с другими классами слов не означает, что эти частицы не могут быть введены к тому или другому классу слов, из которого они вычленились. Но важно то, что эти связи являются только генетическими, а не функционально-смысловыми; как общее правило, они не влияют на функционирование частиц в составе повтора и на его значение.

² О частице *и есть* см.: А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, § 487, стр. 418; § 304, стр. 239—240; В. В. Виноградов, О категории модальности .., стр. 71.

чением, обязательно противоположным общему значению первой реплики (ср. 4, пункт «г»), в сочетании со сложной частицей *еще бы*:— *Бедно жили.*— *Еще бы не бедно!* — *Не бедно жили.*— *Еще бы бедно!*

6. Повторы с отрицанием как обязательным элементом структуры реплики. Это, во-первых, отрицающие повторы с отрицательной частицей — одной или в сочетании с усиливающим элементом; во-вторых, утверждающие повторы с частицей *как* (*не*).

а) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с отрицательной частицей *не*; вторая реплика является первым компонентом противительной конструкции: — *Денег нужно.*— *Сколько?*— *Не сколько, а давайте.*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с отрицательной частицей и выступающей в качестве усиливающего элемента наречной частицей *ничего, никаких, нимало, ничуть, никак, совсем, совсем*:— *Спи, спи.*— *Ничего не спи!* *Мы еще ужинать будем.*— *Секрет?*— *Нимало не секрет.*

в) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании со сложной отрицательной частицей *не то что, не то чтобы*; вторая реплика является первым компонентом противительной конструкции или произносится с интонацией недоговоренности: — *Не смеешь?*— *Не то что* (*не то чтоб*) *не смею, а...*— *Любишь?*— *Не то чтобы люблю...*

г) Повторение, произносимое как вопрос, полувиопрос или восклицание, в сочетании с наречной частицей *как* и с отрицательной частицей:— *Жутко?*— *Как не жутко!*

7. Повторы с модальными словами или модальными сочетаниями слов. Эти повторы многообразны. В отличие от частиц, большинство модальных слов и сочетаний интонационно отчленяются от повторяемого слова. Лишь в некоторых случаях модальное слово или сочетание составляет с повторяемым словом интонационное целое (повторы *и то, мало что, кой чёрт и др.*); обычно модальное слово легко отделяется от повторяемого слова, которое в этих случаях может функционировать как собственно повтор, а модальное слово, само выраждающее то или иное отношение, может самостоятельно выступать в качестве ответа или реагирующей реплики. В формировании повторов участвуют модальные слова и сочетания: *и то, и точно, мало что* (*мало ли что*), *ничего себе, нечего сказать, кой чёрт, отчего* (*отчего же*), *почему* (*почему же*), *что ж* (*а что ж, ну что ж*), *как же* (*а как же, а то как же*), известно, конечно, разумеется, именно, *как бы не так, полно, подумаешь* и др.

а) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с интонацией вызова, недоверия:— *Велел.*— *Мало (ли) что* (*чего*) *велел!*— *Некогда.*— *Полно (,) некогда!*— *Он у нас как дома.*— *Ничего себе* (*нечего сказать, кой чёрт*) *как дома.*

б) Повторение, произносимое как утверждение: *Умный он.*— *И точно* (*и то, известно и т. п.*) *умный.*

8. Повторы с формами имен существительных и глаголов, выступающими в роли модальных слов.

Ряд отдельных форм глаголов и имен, не теряя своих лексических значений и парадигматических связей, получили способность употребляться в речи для выражения того или иного отношения. Функции их совпадают с функциями модальных слов: выражая отношение, такие формы способны не только выступать в качестве относительно самостоятельного высказывания, но и оформлять повтор. Таковы глагольные формы: *бросьте* (*бросьте там, бросьте еще*), *рассказывай* (*да, рассказываивай; ну, рассказываивай*), *дожидайся, погоди, постой, помилуйте*, инфинитивное сочетание *легко сказать*; именные формы: *пустяки, пустячки, вадор, влупости, новости* (*вот новости*) и некоторые другие. В отношении места в составе повтора и интонационных связей с повторяемым словом перечисленные формы обнаруживают закономерности употребления, общие с модальными словами и сочетаниями слов. Все повторы, строящиеся с перечисленными формами, выражают разные виды и оттенки отрицательного, недуменного, недоверчивого и т. п. отношения.

а) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с формами именительного падежа существительных:— *Неможно опоздал.*— *Пустячки немно жко.*— *Может быть, отдохнуть?*— *Вадор* (*влупости и т. п.*) *отдохнуть!*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, обычно с интонацией вызова, недоверия, в сочетании с формами повелительного или изъявительного наложения глаголов:— *Пойдем!*— *Погоди пойдем!*— *Ты ее оскорбил.*— *Рассказывай* (*бросьте, помилуйте и т. п.*) *оскорбил!*— *Он вернется.*— *Дожидайся, вернется!*

9. Повторы с междометиями. Они выражают два основных круга значений: разные оттенки отрицательного отношения и разные оттенки уяснения, припомнения. И в тех и в других видах повторов междометие может находиться как в начале, так и в конце реплики, но в живой речи препозиция и интонационная неотделимость междометий является почти правилом.

а) Повторение, произносимое как восклицание или утверждение:— *Он ведь устал.*— *Э (эва, эка, господи и т. п.), устал!*— *Доктор пришел.*— *Aх да, доктор.*

б) Повторение, произносимое как вопрос, полувиопрос или восклицание.— *Старуха пришла.*— *A (ах, а ну), пришла?* *Зови ее сюда.*

в) Повторение, произносимое с интонацией вызова, несогласия, в сочетании с

междометием *да* (возможно — с усиливающими элементами): — *Что это за игра!* Не представляет никакого интереса. — *Да* (*ну да, да уж*), никакого интереса¹.

10. Повторы с формами согласуемых слов.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полу вопрос или восклицание, в сочетании с формами местоимения *какой*: — *Жалование получаешь?* — *Какое жалование!*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с обязательной отрицательной частицей, в сочетании с формами местоимения *никакой* в усиливающей функции: — *Ну и лентяй!* — *Никакой не лентяй.*

в) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с интонацией недоверия, насмешки, в сочетании с формами прилагательных *хорош*, *хороший* или *хорошенький*: — *Вы еще дети.* — *Хороши (хорошие, хорошеные) дети!*

Специфика повторов, структурным элементом которых являются согласуемые слова, заключается в том, что, оформляя вторую реплику, эти слова утрачиваются или ослабляют свои категориальные и лексические значения и сближаются с частями и модальными словами. Так, в вопросо-ответном единстве — *Грамоте знаешь?* — *Какая грамота!* слово *какая* не имеет ни вопросительного, ни указательного значения: функция этого слова — оформление эмоционально окрашенного отрицания. В обмене реплик: — *Он такой обходительный.* — *Хорош обходительный!* слово *хорош*, оформляющее реплику со значением иронического отрицания, не является ни определением, ни сказуемым; в нем не удается обнаружить и его основного лексического значения.

11. Повторы с обязательным местоимением в форме именительного падежа в субъектном значении. Сюда входит несколько видов реплик, причем степень субъектной значимости местоимения в них различна. В одних случаях субъектное значение местоимения ослаблено, что объясняется слиянием этого местоимения с другим словом в связи с тенденцией образования своеобразной сложной частицы (повторы с *что ты, что вы*). В других случаях местоимение, сохраняя грамматическое значение субъекта, по смыслу не является им, так как не обозначает действующего лица (повторы типа — *Я те утону!*). Наконец, есть реплики, в которых местоимение сохраняет и грамматическое, и смысловое значение субъекта (повторы типа — *Он опять усиливает.* — *Усильнет он у меня!* или: — *За это в суд.* — *Даст он вам в суд!*).

а) Повторение, произносимое как восклицание или утверждение, в сочетании с частицей *что* и неотделяемым от нее личным местоимением: — *Жарко уж в шубе-то.* — *Что ты жарко!* Ср. при возражении самому себе: — *Успею. Хотя что я (—) успею!*

б) Повторение глагола в форме 1-го лица, произносимое с интонацией угрозы, вызова, в сочетании с местоимением *я* и формой дательного падежа местоимения со значением имененного объекта: — *Пощущих седи я.* — *Я тебе (тебе) пощучу!* — *Он пощупил.* — *Я ему пощучу*². В первой реплике глагол выступает в любой форме, во второй реплике — всегда в форме 1-го лица будущего простого; соответственно имеют место видовые замены. Порядок слов во второй реплике строго определен: местоимение 1-го лица (*я*), форма *тебе* или дательный падеж *тебе, вам* и глагол.

в) Повторение, произносимое с интонацией угрозы, в сочетании с предшествующим повторюемому слову личным предложением, в котором обязательно присутствует подлежащее — личное местоимение, дательный падеж местоимения со значением объекта и сказуемое, выраженное формой будущего времени глагола *дать*, *задать*, *показать* и некоторыми другими! — *За это в суд можно.* — *Я тебе дам в суд!* (— *Даст он вам в суд!* — *Они вам покажут в суд!* и т. п.).

г) Произносимое с интонацией угрозы повторение глагола (в форме будущего времени), отливающееся в форму двусоставного предложения, в котором субъект совпадает с субъектом первой реплики: — *Он усиливает.* — *Усильнет он (у меня)!*

12. Повторы с удвоением или двоинные повторы. Спецификой этих построений, не всегда принимавшейся во внимание при их описание, является, как и для всех других типов повторов, их формальная и смысловая несамостоятельность, их порождаемость первой репликой и нераразрывная органическая связь с ней³. Так же, как и

¹ Повторы с *да* Шахматов относит к неполным предложениям, видя здесь опущение глаголов речи. Ср. его пример: *Господи!* — *Да! господи!* Теперь вот и *господи!* (Слепцов, Мертвое тело). См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, § 313, стр. 243—244.

² Об этих конструкциях см. А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, стр. 193.

³ Удвоения есть и в монологической речи; но там они или являются применением диалогических форм для построения монолога, или имеют свои особые оттенки значений и специфические условия употребления. Сдвоенные повторы отмечались в ряде исследований. См.: А. А. Потебя, Из записок по русской грамматике, II, Харьков, 1874, стр. 131, 401, 403—405; А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, § 206⁴, стр. 187; В. И. Чернышев, Отрицание *не* в русском языке, Л., 1927, стр. 69—70; А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, стр. 194—196; В. А. Трофимов, К вопросу о выражении отрицания в современном русском

все другие повторы, они представляют собой повторение слова первой реплики, однако повторение двоекратное, причем формы повторяемого слова в составе второй реплики могут быть в одних случаях одинаковы, в других — различны. Большинство сдвоенных повторов выступают в качестве первого компонента сложной противительной конструкции. Это накладывает яркий отпечаток на их значение и создает двустороннюю связь такого повтора, с одной стороны, с первой репликой, с другой стороны — со второй частью того сложного построения, в составе которого этот повтор фигурирует.

- 1) Повторы, обычно являющиеся первым компонентом сложной конструкции:
  - а) две формы, соединенные частицей *-то*: — Хорош. — Хорош-то хорош, да..;
  - б) инфинитив и личная форма того же глагола, соединенные без частиц, частицей *-то* или отрицанием: — Ты когда-нибудь летал? — Летать (-то) (не) летал, да..;
  - в) две формы, соединенные отрицанием (возможно — в сочетании с уступительным союзом *хоть*): — Вы таки были министр. — Министр (хоть) не министр, а..;
  - г) две формы, соединенные отрицанием и разделительным союзом: — Довольно будет? — Довольно ли (или) не довольно, а..;
- д) бессоюзное сочетание форм именительного и творительного падежей существительного: — Разве вам мало было подарков? — Подарки подарками, ...
- 2) Повторы, функционирующие вне противительной конструкции:
  - а) повторы, образующиеся сочетанием двух форм (или сочетаний слов), соединенных союзной частицей *так*: — Приходите в среду. — В среду так в среду;
  - б) повторы, образующиеся сочетанием двух форм при помощи союза *и*: — Глуп ты еще. — Глуп и глуп. Не епервой мне это слышать.

*

При построении реплик-повторов в языке действуют система правил сохранения или замены форм повторяемого слова или сочетания слов. Эти правила в основном совпадают для многих типов повторов (исключая сдвоенные повторы, где действуют свои правила замен).

Для глагола выделяются прежде всего явления замен, характерные для всех спрягаемых форм.

В некоторых видах повторов спрягаемая форма глагола может заменяться инфинитивом. Это бывает тогда, когда, отвечая, говорящий сосредоточивает свое внимание не столько на конкретном действии определенного лица, сколько на мысли о действиях вообще (— Прости его. — Простить? — Как же простить? и т. п. — Обижашся? — Обижаться?! — Вот еще обижаться! — Господи, обижаться!). Замена спрягаемой формы инфинитивом обычна в собственно повторах, в повторах с наречной частицей *как* и с отрицанием (— Как не обижаться!), а также с частицей *где* (— Где уж обижаться!). В повторах, формируемых наречными частицами, сохраняющимися оттенок причинно-целевого значения (*чего, зачем*), спрягаемые формы глагола, заменяясь инфинитивом, образуют реплику, сочетающую со значением несогласия, уверенности в обратном значении причинно-целевых отношений (— Зачем обижаться! — Чего там обижаться!). В повторах с инфинитивом часто включаются местоимения в дательном падеже с субъектным значением (— Где уж мне обижаться!). При акцентировании в повторе мысли о действии вообще возможна (а иногда и обязательна) не только замена спрягаемой формы инфинитивом, но и замена видовой формы глагола (— Ты сходи сам. — Что мне ходить! — И еще оправдываюсь. — Чего же тут оправдываться?).

Там, где модальное значение всей реплики не соответствует акцентированию мысли о действии вообще, а носит непосредственно реагирующий, конкретно-оценивающий характер, замен спрягаемых форм инфинитивом не происходит (например: — Не знал я. — Мало что не знал. — Вот те и не знал! — Хорошо не знал! — Ничего себе не знал).

В некоторых видах повторов спрягаемые формы глагола могут заменяться существительными — отглагольными или по значению соотносительными с глаголом. Здесь также имеет место отвлечение от конкретно личного значения и подчеркивание мысли о действии вообще. Такие замены могут осуществляться в репликах, стоящихся с формами согласуемых слов (— Вы спите? — Какой сон! — Кажется, она теперь успокоилась. — Хорошо спокойствие) и сложной местоименной частицей *что за* (— Стану я грешить! — Что же за грех!). Если заменяющее имя ставится в форме множе-

литературном языке, «Уч. зап. АН Уз., № 156, Серия филологических наук, вып. 15, Л., 1952, стр. 111; Н. Ю. Шведова, Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке, в кн.: «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955; М. Л. Михлина, указ. соч., стр. 12. Некоторые авторы, смешивая форму слова с формой конструкции, пытались даже доказать, что такие построения являются особым средством морфологического формообразования. См. А. Е. Киселев, Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1954.

ственного числа, то в реплике подчеркивается значение отрицательной оценки, вносится элемент пренебрежения: — *Позвольте я их атакую!* — *Какие тут атаки!*

С другой стороны, выделяются явления замен, характерные лишь для некоторых форм глагола.

а) Формы 1-го и 2-го лица, как общее правило, в повторах заменяются в соответствии со значением лица говорящего: — *Я шучу.* — *Шутишь?*! — *Ты шутишь!* — *Шучу?*! — *Вы плачете?* — *Плачут?* Личная форма в этих случаях может остаться неизменной тогда, когда в повторе выражается та или иная реакция не только на содержание сказанного, но и на его форму или когда сказанное воспринимается как неожиданное, странное, такое, которое еще не сразу может быть понято, осмыслено: — *Забуду!* — *Вот еще забуду!* — *Я это устрою.* — *Как это устрою?*

б) Формы 3-го лица глагола не заменяются другими личными формами, если речь идет именно о ком-то третьем, а не об одном из собеседников. Если же формой 3-го лица называется действие одного из собеседников, то замены обычны, например: — *Он уходит!* — *Как это уходит?* (реакция собеседника на сказанное о нем как о 3-м лице). Сохранение формы акцентирует ее значение и общее модальное значение всей реплики (— *Как это «уходит»?*).

в) При «вы» вежливости или при соответствующем употреблении глагола на -л правилом является замена формы множественного числа формой единственного и обратно: — *Вы ведь обещали.* — *Как это обещал?* — *Я ничего не выдал.* — *Как то есть не выдали?* Сохранение формы глагола достигается тот же оттенок значения, который отмечен по отношению к сохранению личных форм (— *Как это «обещали»?*).

Местоимения 1-го и 2-го лица, а также соответствующие притяжательные заменяются в повторах в соответствии со значением лица говорящего (— *Ты взял!* — *Прямо я!* — *Это мое.* — *Aх твоё!*). Отсутствием замены выражается или неполное понимание (— *Пойдем ко мне.* — *Как так «ко мне»?*), или подчеркивается соответствующее модальное значение повтора (— *Это мы здесь все починали.* — *Так уж будто и «мы»?*). Именно в силу данного значения подобных повторов (без замены формы) они невозможны в тех случаях, когда повторяется личное местоимение, не несущее на себе смыслового акцента, по своей функции в первой реплике «морфемное» (— *Куда эти ты идешь?* — *Я-то? А домой!*). Местоимения 3-го лица заменяются местоимениями 1-го лица, если речь идет об одном из собеседников: — *Это опять штуки.* — *Ничего не мо.*

Формы косвенных падежей с участием местоимений в повторах могут заменяться или не заменяться формой именительного падежа — в зависимости от структуры реплики.

Замены обязательны в репликах, строящихся при помощи согласуемых слов, а также при помощи сложной частицы что за, т. е. там, где оформляющее реплику слово имеет форму и сохраняет связь со значением именительного падежа: — *Придираешься к ребенку.* — *Хорош ребенок!* — *Да какой же ребенок?*! — *Что за ребенок!*

Особое место занимают возможные в повторах с согласуемыми словами случаи замены формы единственного числа формой именительного падежа множественного числа. Так же, как и в соответствующих заменах глагольных форм, здесь усиливается элемент пренебрежительного отношения: — *Чаю выпьешь?* — *Какие тебе чаи!*

Замены возможны, но не обязательны: а) в репликах, строящихся при помощи таких местоименных частиц и модальных слов местоименного происхождения, которые, оторвавшись от категории местоимений, сохраняют лишь форму именительного падежа: — *А с матерью говорил?* — *Да что ж мать?* и — *Да что ж с матерью?* — *Сироткой прикинулся.* — *И то сироткой!* и — *И то сироткой!;* б) в репликах, строящихся при помощи модальных частиц, походящих в глагольно-связанных формах: — *С праздником вас!* — *Праздничек и есть!* и — *С праздничком и есть!* — *Все дети пьяницами повырастали.* — *Пьяницы как есть!* и — *Пьяницами как есть!;* в) в репликах, строящихся при помощи частицы как, если существительное имеет оценивающее значение: — *Туда с такими пустяками не ходят.* — *Как пустяки!* и — *Как в пустяками!*

Замен не происходит в репликах, строящихся при помощи таких слов, которые своей формой не влияют на форму повторяемого слова, например при помощи частиц хоть, хоть бы, разве, если и т. п.: — *К брату пошёл.* — *Разве что (а хоть бы и, если только, да хоть и) к брату.*

Прилагательные, наречия и слова «категории состояния» в некоторых типах реплик могут заменяться существительными или глаголами. Естественно, что в этих случаях в той или иной степени осуществляется смысловой отход повтора от первой реплики.

а) В повторах, оформленных согласуемыми словами, наречия, слова «категории состояния» и прилагательные заменяются формами именительного падежа однокоренного существительного; аналогичные замены обычны в повторах, конструируемых с помощью частиц, сохраняющих формальную связь с формой именительного падежа (*не то что, не то чтобы, что за*): — *У него такой искренний был тон.* — *Хорошая искренность!* — *Какая искренность!* — *Здоров?* — *Какое здоровье!* — *Богато жили?* — *Не то что (чтобы) богачи, а жили хорошо.* — *Что за богатство!* и т. п.

б) В повторах с отрицанием, оформленных частицей как (как не), возможны за-

мены прилагательных, наречий и слов «категории состояния» инфинитивом глагола: — *Жалко?* — *Как не жалеть.* — *Что-то он сегодня грустный.* — *Да как же не упустить!* Сюда же: — *Нет ли самовара?* — *Как не быть!*

Не все виды реплик-повторов свободны со стороны категорий и форм повторяемых слов и сочетаний. Наряду с категориально и синтаксически не ограниченными видами повторов существуют реплики, образование которых ограничено возможностью повторения слов только некоторых категорий (имен, глаголов) или слов, выступающих в первой реплике в определенной синтаксической функции (предикативной, обстоятельственной). Эти ограничения непосредственно связаны с формой тех частиц (модальных слов и т. п.), которые являются структурным элементом повтора. Отметим некоторые из видов повторов, ограниченных категориально и синтаксически.

Повторы с союзными частицами *а*, *да*, имеющие чаще всего форму вопроса или полувиопроса, строятся почти всегда как вторая реплика, выражающая непосредственную и экспрессивно окрашенную реакцию на вопрос (легкое пренебрежение к предмету разговора, как и не заслуживающему серьезного внимания, некоторую неохоту отвечать). Здесь повторяется или предикативная основа первой реплики в сочетании с вопросительным словом (— *Что ты здесь делал?* — *Да что делал — ждал*), или только одиночное вопросительное слово либо предложно-именное сочетание (— *Как же вы тут жили без меня?* — *Да как? Обыкновенно!*).

Вторые реплики со значением уверенного подтверждения (с частицами *и есть*, *как есть*, *как [не]*, *как же*, *еще бы*, модальными словами *известно*, *именно*, *и то*, *и точно* и др.) или со значением отрицания (с частицами *не то что*, *не то чтобы*, *как же и др.*) строятся преимущественно на основе повторения таких слов первой реплики, которые несут в ней предикативную функцию; другие члены предложения повторяются тогда, когда в первой реплике они логически акцентируются: — *Ведь это разбой!* — *Как есть разбой!* — *Разбой и есть.* — *Именно разбой!* — *И точно разбой.* — *Еще бы не разбой!* — *Как же не разбой!* — *И то разбой.* — *Как же, разбой!* — *Не то чтобы разбой..;* — *Ничего не разбой.* — *Где же мне с суконным-то рылом...* — *Еще бы не суконное!* — *И то суконное!* и т. д. — *Пришли-то вы рановато.* — *Рановато и есть.* — *Именно рановато* и т. д. — *Что это за народ идет, слоено с кольями?* — *С кольями и есть.* — *Как же, с кольями* и т. д.

Только сказуемое или предикативный центр односоставного предложения повторяется в выражающих согласие, утверждение репликах, оформленных модальными словами *отчего (же)*, *почему (же)*, сохраняющими тесную и живую связь с соответствующими наречиями: — *Не узнаёте?* — *Отчего же, узнаю,* *почему же.*

Реплики со значением вызывающего согласия, строящиеся при помощи союзной частицы *и* (*ну и*, *вот и*, *да и*, *а и*), а также при помощи сложной частицы *так и* (*так тебе и*), ограничиваются повторением глагола-сказуемого и редко — предикативного имени (первые). Ограничения при этом распространяются и на формы повторяемых слов. Так, повторы с частицей *и* (*ну и* и т. д.) обычны (но не исключительны) с формами 1-го лица изъявительного наклонения, когда в первой реплике — повелительное наклонение (— *Иди!* — *Ну и пойду!*), или с формами повелительного наклонения, когда в первой реплике — изъявительное наклонение или инфинитив (— *Сами организуем это дело.* — *Вот и организуйте.* — *Придется мне самому съездить.* — *И съезди.*). Именные формы здесь повторяются редко и тогда, когда в первой реплике они употреблены предикативно: — *А еще фронтовичка!* — *Ну и фронтовичка, а грязь боюсь.* — *Подумашь, важная птица!* — *Вот и не птица, а будет по-моему.*

В репликах, оформленных сложной частицей *так (тебе) и*, сохраняющей элемент наречного (и обстоятельственного) значения, повторяются глагол-сказуемое в спрягаемой форме: — *Он всю деревню спалил.* — *Так (тебе) и спалил!*

Реплики, оформленные простой местоименной частицей *что* и имеющие значение экспрессивно окрашенного переспроса, строятся на основе повторения имён, неизменяемых слов (наречий, союзов и т. п.) и реже — предикативных основ первых реплик: — *Я, конечно, согласен, но...;* — *Что «нос»?* — *Отдай скотину, не то худо будет.* — *Что худо будет?* Глагольные формы в таких репликах повторяются сравнительно редко (— *Нет, я не могу.* — *Что не могу?*).

В репликах, оформленных сложной частицей *что за* и выражающих уверенное опровержение, несогласие, повторяются, как общее правило, существительные и прилагательные в форме именительного падежа: — *Чем почевать прикажете?* — *Что за почеванье!* Спрягаемые глагольные формы здесь повторяются крайне редко (— *Зачем же врешь?* — *Что за ерунда!*) и свидетельствуют о максимальном отходе частицы *что за* от ее первоначального местоименного значения. Инфинитив в формировании таких повторов не участвует.

Реплики, выражающие оценку чего-либо как несущественного, не заслуживающего внимания и строящиеся при помощи частицы *что* (*что же*, *да что* и т. п.), повторяют преимущественно имена и именные сочетания: — *Ведь это бы тебя с бревном тогда поймал.* — *Что же с бревном...* — *Молотьба-то как?* — *Да что молотьба!* — *Как же ты с знатной барыней кончил?* — *Что, братец, знатные барыни!* Спрягаемые формы здесь повторяются реже, поскольку сочетаниям типа: — *Надоел!* — *Да что же надоел!*

или:— Я приказываю.— Что тут «приказываю!» противоречит прежнее местоименное (в предложении — предикативное) и наречное (обстоятельственное) значение *что*; это последнее значение сказывается в том, что спрягаемые формы первой реплики здесь, как правило, заменяются инфинитивом, причем совершенный вид заменяется несовершенным, выражающим действие вообще, вне ограничений какими-либо пределами (— Пусть его! — Что же его учить...).

Повторы, образуемые формами согласуемых слов, включают в свой состав только формы имнительного падежа существительных, прилагательных и местоимений: — А грамоте знаешь? — Какая грамота! — Откровенничать с чужим человеком! — Хорош чужой! — Никакой не чужой! — Всё твои штучки. — Какие же мои?

Таким образом, во многих репликах, в которых частица или другое оформляющее повтор слово не утратили или не совсем утратили смысловые и функциональные связи с теми классами слов, из которых они вычленились, имеют место те или другие категориальные, формальные и функциональные ограничения слов, входящих во вторую реплику в качестве повторяемого элемента.

Место частиц, междометий, модальных и других слов, участвующих в формировании вторых реплик-повторов, не свободно. В некоторых случаях эти слова могут находиться только в начале реплики, в других — в начале или в конце ее; случаи, когда частица или другое оформляющее повтор слово свободны в смысле своего местоположения в составе повтора, единичны.

Большинство слов, участвующих в формировании повтора, начинают собою реплику. Однако самый характер закрепленности их в начале повтора различен.

С одной стороны, выделяются такие слова, которые ни при каких условиях не могут быть перемещены внутри реплики и обязательно находятся в начале ее. Такая строгая закрепленность непосредственно определяется строением соответствующих слов и их связями с теми или иными частями речи. Обязательным условием синтаксического функционирования этих слов в структуре повтора является их интонационная слитность с повторяемым словом. Это прежде всего частицы, основой которых является слово *и* — одно или в сочетании с другим словом: *а и*, *ну и*, *вот и*, *вот те* (*тебе*) *и*, *хоть* (*бы*) *и*, *так* (*тебе*) *и*, *уж* *и*, *будто* *и*, *даже* *и* и т. п.: — Это не причина. — Ну уже и не причина! — Так тебе и не причина! — Будто и не причина! — Даже и не причина? и т. д. Те же ограничения действуют в отношении частицы *а*, *да*.

Всегда препозитивны и интонационно не отделяются от повторяемого слова частицы *как* (*не*), *не то что* (*не то чтобы*), участвующие в формировании реплик, обязательным структурным элементом которых является отрицание: — Женихий найдутся. — Как (же) не найдутся! — Отстал ты. — Не то что отстал, ...

Те же правила распространяются на согласуемые слова *какой* и *хороши*, участвующие в построении повтора: — Волк?! — Какой (*тебе*) волк! — Сапоги-то совсем новые. — Хороши новые!, а также на частицу *за*: — Волк?! — Что за волк!

Только препозитивна местоименная частица *что* (*ну что*, *что такое*) в экспрессивно окраинном переспросе (— Это что такое? — Что «что такое»?), частицы *хорошо* (— Левонъко отстризил... — Хорошо отстризил!), *никаких* (— Мне пора ехать. — Никаких ездят!), сложная частица *вот те* (— Да ну! — Вот те ну!).

Рассмотренные случаи характеризуются тем, что частица или согласуемое слово ни при каких условиях не может изменить свое положение в структуре реплики или интонационно обособиться от следующего за ней повторяемого слова. В отношении частиц эта строгая позиционная ограниченность естественно определяется самой их структурой или первоначальным значением и происхождением; в отношении согласуемых слов строгая определенность их места в препозиции к повторяемому слову является грамматическим показателем их особой семантико-синтаксической функции.

С другой стороны, многие слова (частицы, модальные слова, междометия), всегда начинающие собою реплику-повтор в интонационно не отделяемые от повторяемого слова, формально могут быть отделены от него, перемещены в конец реплики и произнесены как самостоятельное предложение, например: — Новые ведь еще сапоги-то. — Какие новые! и — Новые? Какие! — И тебе сказал. — Мало ли что сказал! и — Сказал! Мало ли что! — Опоздали мы. — Как то есть опоздали? и — Опоздали? Как то есть? — Он согласится. — Куда там согласится! и — Согласится! Куда там! Но уже отдельные примеры показывают, что перемещение частицы в конец реплики меняет не только оттенок ее значения, но и структуру. В случае — Какие новые! перед нами реплика-повтор, формируемая двумя словами, которые оба вместе создают единую конструкцию с определенным значением; в случае же — Новые? Какие! мы видим две самостоятельные конструкции — собственно повтор и частицу как «эквивалент предложения», которые свободно разделяются и могут функционировать независимо друг от друга. Хотя в обоих случаях выражается отрицание, несогласие, но оттенки этого общего значения здесь явно различаются: в первом случае повтор имеет единое значение уверенного и категорического несогласия, отрицания; во втором случае это значение расщеплено: собственно повтором говорящий, сомневающийся и не доверяя, уясняет себе сказанное, а интонационно обособленной и синтаксически свободной частицей выражает свое несогласие с утверждением собеседника.

Таким образом, перед нами не видоизмененная со стороны порядка слов и интонации конструкция, а две разные конструкции. Поэтому, изучая реплики-повторы в том плане, как это изложено в начале настоящей статьи, мы не можем говорить о том, что такие частицы, как *чего* (*чего там*), *куда* (*куда там*), *зачем*, *нечего*, *какое*, *как* (при переспросе), *чтото*, *то-то*, *ну*, *еще бы*, *вот*, *ну вот*, сочетание *что ты*, модальные слова *и точно*, *мало ли что*, *кай чёрт*, формы имен и глаголов пустяки, *легко сказать* и др. могут находиться или в начале или в конце повтора, отделяясь или не отделяясь паузой от повторяемого слова: они могут находиться только в начале повтора и интонационно не отделяются от повторяемого слова.

Ряд частиц, модальных слов и междометий, участвующих в формировании повтора, могут находиться как в начале, так и в конце реплики. Повторы эти неоднородны.

1. Здесь выделяются, во-первых, такие реплики, в которых оформляющая их частица или другое слово, независимо от своего положения по отношению к повторяемому слову, произносится с ним слитно. Таковы реплики, оформленные частицами *что* (*что же*, *что там* и т. п.) (— Да ведь холода стоят! — Холода что! и — Что холода!), *ничего*, *николько*, *ничуть*, *всё* (— Озяб! — Ничего не озяб и — Не озяб *ничего*), *есть* (— Точно все сговорились! — И есть сговорились и — Сговорились и есть), *разве*, *если* (— Одну чашечку! — Разве чашечку, — Если чашечку и — Чашечку разве, — Чашечку если), согласуемым словом *никакой* (— Ну и соня ты! — Никакой я не соня и — Не соня я никакой) и др.

2. Существуют такие реплики, в которых оформляющая их частица, модальное слово и т. п., находясь в начале реплики, произносится слитно с повторяемым словом, а находясь в конце реплики, может интонационно отделяться от него, но такое отделение не является обязательным. Таковы повторы с частицей *как есть* (— Сыновья-то все пьяницы. — Как есть пьяницы, — Пьяницы как есть и — Пьяницы, как есть).

3. Выделяются повторы, в которых оформляющее их слово (частица, междометие и т. п.), находясь в начале реплики, может или отделяться от повторяемого слова паузой, или нет, а находясь в конце реплики, обязательно отделяется паузой. Это повторы с частицами *вот*, *вот еще* [— Мой пиджак тебе не влезет. — Вот (еще) не влезет! — Вот (еще), не влезет! и — Не влезет, вот (еще)!], прямо (— Прямо не влезет! — Прямо, не влезет! и — Не влезет, прямо!), с модальными сочетаниями *ничего себе*, *нечего сказать*, *легко сказать* (— Еще рано. — Ничего себе рано. — Ничего себе, рано и — Рано, ничего себе. — Нечего сказать рано, — Нечего сказать, рано и — Рано, нечего сказать).

4. В некоторых случаях частица, находясь как в начале, так и в конце реплики, может или не отделяться интонационно от повторяемого слова, или отделяться от него. Таковы повторы с частицей *тоже*: — Он много знает, читал. — Тоже читал! — Тоже, читал! — Читал тоже! и — Читал, тоже!

5. Значительная группа модальных и других слов, частиц и междометий, оформляя повтор, может находиться как в начале, так и в конце реплики, интонационно не сливаюсь с повторяемым словом, обязательно отделяясь от него небольшой паузой. Таковы реплики с модальными словами *как же* (— Он вам родственник? — Как же, родственник и — Родственник, как же), *отчего* (*же*), *почему* (*же*), с глагольными формами *рассказывай*, *ожидайся*, *скажите*, с частицами *иши* (*ты*), *виши* (*ты*), с междометиями *да*, *зва*, *господи* и *ми*. др.

*

Описанные в настоящей статье типы повторов со стороны своей структуры обнаруживают значительные различия. В то же время все они объединяются рядом общих собственно языковых черт, позволяющих видеть в них единый объект изучения.

Таким объединяющим фактором является, с одной стороны, общая и легко выявляемая система модально-экспрессивных значений: это — выражения многообразных — в большинстве случаев отрицательных — непосредственных реакций на то, что сказано, о чем сообщается в первой реплике. Непосредственная и всегда экспрессивно окрашенная оценивающая реакция на сказавшее — таково «смысловое наполнение» основной массы повторов. Эти значения реплик создаются не лексическими значениями повторяемых слов, а строением реплики и ее интонацией.

Полная смысловая незаменимость повторов целиком связана с их структурой. Повторы не существуют в языке вне прямого соотношения с первой репликой, чьей формой обусловлено их строение. Эта обусловленность двойственна. С одной стороны, словесный состав второй реплики определяется словесным составом первой реплики: повторяется данное конкретное слово или сочетание. Но это повторение осуществляется по определенным грамматическим правилам. И если лексическая сторона здесь каждый раз индивидуальна, то условия строения повтора определяются действующими в языке нормами. Принципиально такое положение не отличается от условий построения большинства свободных синтаксических единиц языка.

Представляется несомненным, что реплики-повторы должны быть объектом грамматического изучения. Факторы, подтверждающие наличие у них своего синтаксического «лица», своей структурной специфики, изложены выше. Кратко обобщим их.

1. Повторы существуют в разговорной форме речи как построения, порожденные первой репликой диалогического единства, и представляют собою структурно зависимую часть этого сложного единства. «Порождаясь» первой репликой, повтор отливается в определенную синтаксическую форму, которая далеко не всегда представляет собою чистое повторение форм, заключающихся в первой реплике; иными словами, повторы имеют свои синтаксические формы, свои правила построения.

2. В своем строении вторые реплики-повторы подчиняются определенным правилам сохранения или замены форм повторяемого слова. В том или другом типе повтора для слов одних грамматических категорий обязательным является сохранение формы повторяемого слова, для других — замена ее другой, но не случайно избранной, а определенной, именно данной формой. Там, где есть возможность выбора, эта возможность определяется не желанием или вкусом говорящего, а тем значением или оттенком значения, которые связаны с употреблением именно той, а не другой формы.

3. Многие типы повторов ограничены со стороны категорий повторяемых слов: есть типы реплик, в которых повторяются только имена, только глаголы, только наречия или сочетания, выступающие в первой реплике в функции обстоятельств, и т. д. Внутри этих ограничений обычно действуют другие, более частные: имена могут повторяться только в форме того или иного падежа, глаголы — только в форме того или иного наклонения, времена, лица и т. д.

4. Вторые реплики строго ограничены со стороны распространения их другими словами. В большинстве случаев возможность распространения повторов другими словами исключена. Там, где повтор может быть распространен, выявляются собственно синтаксические правила введения распространяющих реплику слов; в разных типах повторов намечаются свои закономерности введения сочетаний или форм с определенными синтаксическими функциями.

5. Многие повторы строятся с участием специальных слов — частиц, междометий, модальных слов или сочетаний, а также согласуемых слов. Все эти слова не просто «прибавляются» к повторяемому слову, а играют в составе второй реплики конструктивную роль: они являются одним из таких ее компонентов, который не может быть изъят без того, чтобы эта реплика не перестала существовать как данная синтаксическая конструкция с определенным значением. Степень внешней структурной спаянности частицы (междометия, модального слова и т. п.) с повторяемым словом неодинакова. В одних случаях изъятие частицы (или другого слова) ведет к полному внешнему разрушению данного типа повтора; в других случаях частица (или другое слово) внешне легко отделима, но такое отделение ведет к превращению данного типа повтора в другой (в собственно повтор), с иной структурой, интонацией, с иным оттенком значения.

6. Место частицы (как и других слов, участвующих в формировании повторов) не свободно. Одни из этих слов всегда начинают собою вторую реплику, другие могут начинать или заключать ее; иными словами, порядок конструирующих вторую реплику слов определяется действующими в языке нормами словорасположения.

7. Разные типы повторов имеют свою интонационную характеристику. Вопрос этот остался неосвещенным в настоящей статье: он требует особых методов исследования. Однако даже самые общие и поверхности наблюдения убеждают, что те или иные типы повторов закреплены за собой определенный интонационный рисунок.

8. Существование целого ряда повторов обусловлено двусторонними конструктивными связями; они оформляются только как часть сложного построения, обнаруживая синтаксические связи с первой репликой диалогического единства и со второй частью сложной конструкции, которую повтор собою начинает (ср. сдвоенные повторы).

Все сказанное приводит к выводу, что вторые реплики-повторы представляют собой один из видов специфических конструкций, характерных для разговорной речи. Они многообразны и дают широкие возможности выбора. Поэтому нельзя согласиться с Л. И. Инубинским, что диалогическая форма речи «способствует умалению значения речевых элементов в общем порядке взаимодействия¹. Напротив, диалог как одна из форм разговорной речи обладает богатейшими собственно языковыми средствами, которые и реализуются говорящими в процессе общения.

¹ Л. И. Якубинский, указ. статья, стр. 184. Ср. также Ж. Вандриес, Язык, М., 1937, стр. 144.